

© 2021. А. В. Федоров
Издательство «Русское слово»
г. Москва, Россия

Алексей Константинович Толстой как открытие¹

Аннотация: Рассматривается новая книга В. А. Котельникова «Алексей Константинович Толстой в жизни и в литературе». Автор рецензии перечисляет различные аспекты большого труда, ставшего открытием личности графа Алексея Константиновича Толстого (обстоятельств его жизни, отношений с современниками, мнений о насущных вопросах, философских размышлений и т. д.), открытием хранящего много загадок творчества А. К. Толстого, некоторых замечательных его современников, времени земного бытия писателя, жившего и творившего в сложную переходную историческую эпоху. Книга В. А. Котельникова примечательна открытием историко-культурной эпохи середины XIX в. в ее крупнейших свершениях и характерных тенденциях. Подчеркиваются широта кругозора и энциклопедические познания автора нового исследования, которые являются необходимым условием для создания книги о личности масштаба А. К. Толстого. Оценивается стиль нового издания, приведены основные содержательные аспекты, рассмотренные автором, показано значение труда для науки о литературе. Книга В. А. Котельникова через диалог, аналогии и сопоставления с творческой личностью писателя золотого века классики помогает современному читателю открыть самого себя.

Ключевые слова: А. К. Толстой, В. А. Котельников, русская классика, научные открытия, русские писатели, общественная жизнь, эпоха, биография, творчество, литературный контекст, Б. М. Маркевич.

Информация об авторе: Алексей Владимирович Федоров, доктор филологических наук, главный редактор издательства «Русское слово», Овчинниковская набережная, д. 20, стр. 2, 115035 г. Москва, Россия; учитель литературы школы № 1516, ул. Хабаровская, д. 4 а, 107589 г. Москва, Россия.

E-mail: fedorov@russlo.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 11.05.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 25.07.2021

Дата публикации статьи: 30.09.2021

Для цитирования: Федоров А. В. Алексей Константинович Толстой как открытие (Рецензия на книгу: Котельников В. А. Алексей Константинович Толстой в жизни и в литературе. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 864 с.) // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 3. С. 206–217. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-3-206-217>

¹ Рецензия на книгу: Котельников В. А. Алексей Константинович Толстой в жизни и в литературе. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 864 с.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 3, 2021, pp. 206–217. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 3, 2021, pp. 206–217. ISSN 2686-7494

Book Review

© 2021. Alexey V. Fedorov
Russian Word publishing house
Moscow, Russia

Alexey Konstantinovich Tolstoy as a Discovery¹

Abstract: In the review, V. A. Kotelnikov's new book "Alexei Konstantinovich Tolstoy in Life and Literature" is regarded as a scientific discovery. The author lists various aspects of the great work that became the discovery of the personality of Alexei Konstantinovich Tolstoy (the circumstances of his life, relations with contemporaries, opinions on pressing issues, philosophical reflections, etc.), the discovery of A. K. Tolstoy's works, keeping many mysteries, the discovery of some of his remarkable contemporaries, the discovery of the time of the earthly existence of the writer and poet who lived and worked in a difficult transitional historical era. The review notes that the book by V. A. Kotelnikov is remarkable for the discovery of the historical and cultural era of the middle of the 19th century in her biggest achievements, characteristic tendencies. The author emphasizes the breadth and encyclopedic knowledge of the author of the new research, which is a necessary condition for creating a book about a personality of the scale of A. K. Tolstoy. The style of the new edition is assessed, the main substantive aspects considered by the author are given, the importance of labor in modern literary criticism is shown. The book by V. A. Kotelnikov through dialogue, analogies and comparisons with the creative personality of the writer of the golden age of the classics also becomes a discovery of himself for the modern reader.

Keywords: A. K. Tolstoy, V. A. Kotelnikov, Russian classics, scientific discoveries, Russian writers, social life, era, biography, creativity, literary context, B. M. Markevich.

Information about the author: Alexey V. Fedorov, DSc in Philology, Chief Editor of Russian Word publishing house, Ovchinnikovskaya Embankment 20, str. 2, 115035 Moscow, Russia, teacher of literature at school no. 1516, Khabarovskaya St., 4 a, 107589 Moscow, Russia.

E-mail: fedorov@russlo.ru

Received: May 11, 2021

Approved after reviewing: July 25, 2021

Published: September 30, 2021

For citation: Fedorov, A. V . "Alexey Konstantinovich Tolstoy as a Discovery (Book Review: Kotelnikov, V. A. *Alexey Konstantinovich Tolstoy in Life and Literature*. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2020. 864 p.)". *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 3, 2021, pp. 206–217. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-3-206-217>

¹ Book Review: Kotelnikov, V. A. *Alexey Konstantinovich Tolstoy in Life and Literature*. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2020. 864 p. (In Russ.)

Книгу Владимира Алексеевича Котельникова «Алексей Константинович Толстой в жизни и в литературе» можно назвать *открытием*.

Прежде всего, *открытием* этой удивительной личности — графа Алексея Константиновича Толстого. Обстоятельства его жизни, отношения с современниками, его мнения и суждения о насущных вопросах общественно-политической жизни и его философские размышления, его фантастический искрометный юмор и эстетические взгляды, бытовые привычки, увлечения, здоровье и болезни, характер, воспитание, стиль общения... — все это потрясающе интересно. Как ни странно, но у нас до сих пор не было серьезной, научно выверенной биографии этого классика отечественной литературы. Хотя сделано, конечно, было немало: можно назвать две книги в серии ЖЗЛ [Жуков; Новиков], дореволюционную обстоятельную (хотя и не переведенную на русский) монографию Анри Лиронделя [Lirondelle], нельзя забывать о многолетней работе И. Г. Ямпольского (собрания сочинений 1937, 1964, 1969, 2004 гг.) и других ученых.

И все-таки для нашего освоения творческого наследия А. К. Толстого ключевым можно считать 2017 г., когда отмечался 200-летний юбилей со дня рождения писателя. В связи с этим значимым поводом вышло в свет несколько изданий, в которых, можно сказать, заложены основы для дальнейшего развития современного изучения наследия А. К. Толстого. Особо хочется отметить двухтомник «Полное собрание стихотворений» в серии «Литературные памятники», вышедший в Санкт-Петербурге в 2016 г. и «Полное собрание сочинений и письма» в пяти томах, опубликованное в Москве в 2017–2018 гг. Оба собрания подготовлены научными коллективами под руководством В. А. Котельникова. Все тексты были сверены с первоисточниками, тексты на иностранных языках переведены заново, подробно раскрыты обстоятельства творческой истории произведений А. К. Толстого в связи с событиями его жизни. Богатейший материал — в основном архив-

ный, собранный в процессе их подготовки, — вошел в комментарии и примечания, в обширные вступительные статьи. Тем не менее поместилось в собрание сочинений далеко не всё. Например, письма: в пятом томе собрания их почти 700 (при том, что самый полный свод, опубликованный в советское время, включал в себя около 300 [Толстой]). Но ведь писем А. К. Толстого, разбросанных по архивам разных городов и стран, обнаружено и научно обработано В. А. Котельниковым почти в три раза больше! И этот поистине бесценный источник еще ждет своей полной публикации (кстати, именно поэтому эпитет «полное» относится к собранию сочинений, а не к письмам). В книге «Алексей Константинович Толстой в жизни и в литературе» многие из писем приведены полностью или выборочно; они включены в контекст повествования о роде и семье писателя, о его вступлении в большую литературу, о путях его жизни и поэзии, о его любви, исторических штудиях, юморе, общении с современниками.

Все это помогает читателю открыть для себя личность графа Толстого. Она удивительна своей широтой, причем не в том смысле слова, о котором говорил Ф. М. Достоевский. Ее не хочется «сузить», потому что в нравственном отношении перед нами, судя по всему, абсолютно безупречный человек: светлый, тонкий, деликатный, сильный, щедрый и добрый. Широта связана с его кругозором, в котором увлечение русской стариной соседствовало с живейшим интересом к современности в ее общественно-политическом и культурном аспектах, а «поэзия деятельного вхождения в природу» (так изящно определяет В. А. Котельников смысл охоты для Толстого) [Котельников: 58] сочеталась с искренним влечением к спиритизму и другим «доказательствам» существования мира сверхъестественного [Котельников: 359–363]. Широта связана с разносторонностью его талантов и дарований, диапазоном его художественных настроений и обликов: от серьезных духовных переживаний до самозабвенной и озорной игры со всеми видами комического — под маской Козьмы Прутковва или безо всяких масок. Наконец, широта эта — способность к пониманию разных точек зрения на спорные и проклятые вопросы (не путать с толерантностью), умение сочувственно отозваться на иные голоса, вступать с ними в диалог — качество, в чем-то родственное пушкинской «всемирной отзывчивости».

В. А. Котельников не обходит молчанием сложные и спорные проблемы, неизбежно встающие перед любым биографом Толстого. Самая

известная из таких проблем — причины внезапного расставания родителей будущего писателя. Различные версии, в том числе наиболее экстремальная — о том, что Константин Петрович Толстой не был отцом ребенка, — приводятся в книге с необходимым тактом и бережным отношением к семейной тайне, без каких-либо попыток «популяризировать» биографию через непроверенные факты [Котельников: 23–29]. В. А. Котельников стремится к объективной и взвешенной оценке личности К. П. Толстого, представленного во многих мемуарах предвзято, изображенного чуть ли не заурядным алкоголиком: «Появлявшиеся у некоторых мемуаристов и биографов упоминания о незначительности К. П. Толстого как личности, о неких его недостатках, возможно, проступках перед женой малодостоверны и, даже будь они правдой, вряд ли это в человеке вполне добропорядочном и неглупом могло стать главной причиной столь резкого разрыва» [Котельников: 24]. Еще одним проблемным вопросом, разделившим биографов А. К. Толстого фактически на два «лагеря», является та роль, которую сыграла в судьбе писателя его супруга — Софья Андреевна, урожденная Бахметева. В. А. Котельников подробно рассматривает зарождение и развитие романа А. К. Толстого с этой женщиной непростой судьбы и богатых дарований. Не допуская никакой идеализации отношений возлюбленных, а потом и супругов, ученый показывает, насколько ярко и драматично эти отношения проявлялись в лирике Толстого, какими интонациями окрашены чувства поэта в многочисленных письмах к своей Эгерии, как он ее сам называл. Тем не менее оставаться совершенно безучастным и холодно объективным при разговоре о Софье Андреевне, наверное, просто невозможно. Не резко, но вполне определенно В. А. Котельников высказывает свое мнение о ней: «Он хотел убедить ее обратиться к Богу и поверить, что его, Толстого, духовные силы через молитву дадут ей силы для жизни и радости, но этот призыв не нашел отклика у Софьи Андреевны, вполне равнодушной к подобным увещаниям. Живая, а не только умственная религиозность вряд ли была ей свойственна; она предпочитала оставаться “вечно печальной” музой своего избранника, чьи мысли и убеждения, однако, мало в чем разделяла, ее больше привлекали либеральные идеи и положение эмансипированной женщины. Но и терять Толстого она не желала и впоследствии прекрасно освоилась с той ролью в обществе, которую получила в браке с ним» [Котельников: 329].

Рецензируемую книгу можно назвать *открытием творчества* Алексея Константиновича Толстого. В ней приведены ценные сведения об истории создания многих произведений писателя, об их восприятии современниками и о журнальных откликах, о редакциях и вариантах, что позволяет восстановить и зримо представить процесс работы над текстом. Крайне любопытна, например, история знаменитой баллады «Колокольчики мои...», которая существует, можно сказать, в двух облициях — ранняя редакция представляет собой самостоятельное произведение, где звучит важное для исторического сознания писателя обещание: «Я прислушаюсь к вам, / Цветики степные, / Русским людям передам / Я дела былые!» [Котельников: 90]. Во второй главе («Пути жизни, пути поэзии») помещена черновая правка наполненного пушкинскими реминисценциями стихотворения «Когда природа вся трепещет и сияет...» [Котельников: 122–126] и во многом итоговых, медитативно-программных стихотворений «Прозрачных облаков спокойное движенье...» и «Земля цвела. В лугу, весной одетом...» [Котельников: 295–309]. Исторические, литературные, биографические и другие источники, впечатления, факты, которые легли в основу сюжета того или иного произведения либо явились непосредственным стимулом к его созданию, также существенно проясняют наше представление о творчестве писателя. Малороссийская тематика многочисленных лирических высказываний А. К. Толстого, правнука последнего гетмана, играет одну из ведущих ролей в главе «Пути жизни, пути поэзии». В. А. Котельников, разбирая стихотворение «Ты знаешь край, где все обильем дышит...», точно подмечает, что «украинская музыка занимала очень значительное место в сфере его чувств, в его звуковой картине мира, влияла на мелодию его поэтической речи...» [Котельников: 80]. Фольклорные истоки многих стихотворений и баллад поэта помогают ярче представить его личностные переживания жизненных, философских вопросов, словно подсказывают образы и ритмы, через которые веками в песенном творчестве выражалась народная душа [Котельников: 199–229]. Чуткость А. К. Толстого к чужому поэтическому слову, его восприимчивость и переимчивость определяют широкий спектр его художественных взаимодействий с отечественными писателями старших поколений — от Жуковского и Пушкина до

Кольцова и Тютчева¹. Уникальна и его способность перекладывать в стихи реальные тексты иных стилей и жанров, что ярко проявилось при работе над балладой «Василий Шибанов» (послание Курбского Грозному) и над поэмой «Иоанн Дамаскин» (погребальные стихиры). В. А. Котельников детально раскрывает степень поэтической вольности Толстого при обращении к Житию Иоанна Дамаскина, составленному Димитрием Ростовским [Котельников: 128–137].

Историческим произведениям писателя посвящена отдельная глава «История в лицах, картинах и сценах», где не только проанализированы баллады, поэмы, роман «Князь Серебряный» и драматические творения, в том числе «Посадник», но и осмыслена закономерность и естественность историзма художнического сознания писателя: «Из влечения к родовому и личному прошлому, что Толстой отчасти уже выразил в лирических формах, в 1840-е гг. стало вырастать стремление, осознаваемое постепенно как познавательная и творческая задача: узнать и художественно воссоздать события, лица, обстановку, язык прошедших эпох — так родился историзм Толстого, глубоко захвативший его воображение, мысль, речь и положивший на его стол массу материалов для литературной обработки» [Котельников: 397].

О ранней прозе Толстого широкому читателю известно мало. Тем любопытнее подробный анализ первой опубликованной повести «Упырь» в контексте традиций романтической фантастики и фольклорных славянских поверий, рассмотрение жизненных обстоятельств, повлиявших на сюжет произведения [Котельников: 44–50]. Особенно важен комментарий для понимания «темных», «зашифрованных» поэм «Алхимик» [Котельников: 275–286] и «Дракон» [Котельников: 291–293], насыщенных многочисленными аллюзиями и реминисценциями. Незавершенная поэма «Алхимик» обращена к легендарной личности Раймонда Луллия, краткая биография которого с обзором его философско-религиозных воззрений помещена в книге В. А. Котельникова. Последнее крупное творение Толстого — поэма «Дракон» — стилизовано под перевод с итальянского подлинника XV в. Ученый скрупулезно восстанавливает факты военно-политического противостояния гвельфов и гибеллинов; предлагает свои варианты «исходных» лите-

¹ Ценным наблюдением представляются также параллели между некоторыми стихотворениями А. К. Толстого и В. В. Маяковского, весьма ценившего своего предшественника [Котельников: 589–590].

ратурных изображений дракона, которые могли стать стимулом для создания заглавного образа у Толстого.

Уже упомянутая широта кругозора писателя требует соответствующих широты и универсальности познаний от исследователя: книга В. А. Котельникова имеет поистине энциклопедический характер. Так, мы узнаем из нее не только о литературном творчестве А. К. Толстого, но и обо всем, что питало это творчество, что в нем отразилось и выразилось. А это огромный мир. Сам исследователь подчеркивает удивительную способность писателя соединять в своей творческой натуре на первый взгляд «вещи несовместные»: «Может показаться, что “горестная чаша”, о которой Толстой писал в стихотворении “В совести искал я долго обвиненья...” — едва ли не главный источник его жизненного чувства и творчества. Значительная часть его лирики... действительно происходила из этого источника. Но в том и особенность натуры Толстого, что в ней бьет и другая сильная струя, ставшая источником игрового и смехового отношения к миру и смехотворчества. В первом источнике — вода судьбы поэта, во втором — вода свободы. Они текут в разных руслах и почти не сливаются» [Котельников: 547].

Отдельного внимания заслуживает переводческая деятельность писателя-полиглота, его поиски точных и красивых соответствий на родном языке: «Вообще все рукописные материалы к переводам Толстого показывают, как много усилий прилагал он к тому, чтобы создать безупречный поэтический эквивалент иноязычного текста» [Котельников: 251]. В качестве доказательства В. А. Котельников приводит материалы к переводу баллады И. В. Гёте «Коринфская невеста» [Котельников: 252–271]. Поражает требовательность переводчика к самому себе, количество вариантов и исправлений, упорство в стремлении достичь совершенства, полно передать «впечатление», которое поэт ценил выше буквального следования оригиналу. Получается, что открытие творчества А. К. Толстого неизбежно влечет за собой открытие мировой поэзии от Байрона и Гёте до Шенье и Гейне. «По родственным, общественным связям, по местопребываниям Толстой укоренен в русско-малороссийском этнокультурном мире. Но вместе с тем уже в детские годы благодаря влиянию А. А. Перовского установились и западные ориентиры Толстого. В эстетическом плане здесь главенствовало оставшееся неизменным влечение к Италии. В культурно-историческом и литературном первенствовала, несомненно, Германия» [Котельников: 240].

Безусловно, книга В. А. Котельникова — *открытие* некоторых по-своему замечательных *современников* Толстого, с которыми он в разные годы поддерживал отношения, проводил время, делился творческими планами и своими эстетическими предпочтениями, спорил на конкретные и отвлеченные темы, обсуждал новости и общих знакомых, шутил, мистифицировал, импровизировал... Братья Жемчужниковы, Н. И. Костомаров, И. С. Аксаков, А. А. Фет, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Н. Ф. Крузе, Ф. И. Фиркс, О. А. Новикова, К. Сайн-Витгенштейн, Б. К. Мейендорф, М. Н. Катков, М. М. Стасюлевич — персонажи главы «Круг Толстого», куда вошел значительный корпус эпистолярия Алексея Константиновича. Часто о своих художественных поисках и находках он рассказывал близким людям в письмах, в частности, о трудной отделке «Князя Серебряного» и своих сомнениях относительно характера главного героя, о замысле и реализации Драматической трилогии, которую он собирался назвать именем Бориса Годунова, о проблематике и финале драматической поэмы «Дон Жуан», о «бессознательной» природе творчества, о точных и неточных рифмах и о многом другом.

Отдельная глава в книге В. А. Котельникова посвящена двум хорошим знакомым и многолетним адресатам писем Толстого — Болеславу Михайловичу Маркевичу и Каролине Карловне Павловой. С Маркевичем дружеское общение нередко выходило за рамки собственно литературной проблематики, затрагивая «политические, общественные, житейские» [Котельников: 644] и другие темы, в частности, спиритизм и сеансы Д. Юма [Котельников: 646–649], брахманизм и неизбежность страданий [Котельников: 685–689], национальную политику Российской империи в контексте событий польского восстания [Котельников: 658–660], «татарский период» отечественной истории и его следы в русском национальном характере [Котельников: 669–670], хозяйственные вопросы, связанные с постепенным разорением имений Толстого [Котельников: 674–676], наконец, здоровье, которое у Толстого с конца 1860-х гг. резко ухудшается. «И как никто другой, именно Маркевич понимает и принимает речевые изыски и словесные игры Толстого, в которые он то и дело пускается» [Котельников: 651]. Личность Б. М. Маркевича заслуживает внимания не только потому, что он выступал как корреспондент А. К. Толстого, он был также весьма заметным литературным деятелем той поры, романистом, полное собрание сочинений которого включает в себя 11 томов (СПб., 1885). Кстати сказать, более

века ни одно из его произведений не переиздавалось — по понятным причинам (консерватор-монархист). Хочется верить, что теперь эти причины не должны мешать возвращению в наш культурный обиход этой интереснейшей личности.

Рецензируемый большой труд стал *открытием времени* А. К. Толстого, сложной переходной исторической эпохи, центральным событием которой явилась Крымская (Восточная) война и неизбежное (но не всегда органичное) изменение многих сторон общественной и политической жизни страны. Среди этих изменений нового царствования — важнейшие из Великих реформ: крестьянская, судебная, цензурная, образовательная. Ко всем из них у Алексея Константиновича было свое отношение, которое он не скрывал — прежде всего, в дружеской переписке. Но и в своем творчестве, несмотря на декларируемую отстраненность от «злости дня», он нередко затрагивал самые животрепещущие вопросы, не имеющие, казалось бы, никакого отношения к искусству. Перипетии политических игр, приведших к началу Крымской кампании, отразились в издевательском стихотворении Толстого «Поразмыслив аккуратнo...» [Котельников: 174–176], а трагические последствия войны зазвучали в лирических интонациях замечательного цикла «Крымские очерки» [Котельников: 179–192]. Под прицел его едкой и остроумной сатиры попадает нигилизм как многоликое явление в его мировоззренческом и политическом аспектах. Это явление воспринимается писателем как угроза — прежде всего, для искусства. Но ведь искусство непосредственно связано с духовной природой человека! Поэтому радикальный нигилизм античеловечен по сути своей. Об этом прозорливые стихотворения А. К. Толстого «Против течения» [Котельников: 143–145], «Пантелей-целитель» [Котельников: 612–615], «Порой веселой мая...» [Котельников: 146, 593–598], «Поток-богатырь» [Котельников: 147, 598–611]. В. А. Котельников справедливо замечает, что «темперамент художника и идейного борца побуждал Толстого выходить за пределы “чистого искусства” и преследовать “отрицательное” направление в поэтических памфлетах» [Котельников: 146]. Свой сарказм по отношению к «неоправданно оправдательной» практике суда присяжных писатель выражает не только в балладе «Поток-богатырь», но и в комическом стихотворении «Рондо», обращенном к деятелю судебной реформы графу Константину Ивановичу Палену [Котельников: 601].

Книга В. А. Котельникова примечательна *открытием историко-культурной эпохи* середины XIX столетия в ее крупнейших свершениях, в ее характерных тенденциях в самых разных областях искусства, науки, публицистики. Мы узнаем о романтизме как мировосприятии и литературном направлении, о «натуральной школе», на которую Толстой отозвался в нескольких письмах и художественных произведениях [Котельников: 67–69], о славянофильстве и его представителях (А. С. Хомяков, И. С. и К. С. Аксаковы, А. И. Кошелев), с которыми Толстой общался и дружил, не уставая полемицировать как в письмах, так и в стихотворениях [Котельников: 92–96]; о консерватизме и проблеме русификации западных окраин Российской империи [Котельников: 619–623]; о «чистом искусстве» и его противостоянии с «гражданской» лирикой; о журналах, в которых печатался Толстой и в которых помещались отклики на его произведения («Отечественные записки», «Современник», «Русский вестник», «Вестник Европы» и др.) и о многом другом.

Наконец, рецензируемое издание может стать *открытием самих себя* — нас сегодняшних — через диалог, аналогии и сопоставления, неизбежно возникающие при знакомстве с творческой личностью писателя золотого века нашей классики. В этом главная особенность классической литературы: она всегда вовремя, всегда с нами и в то же время — на опережение, на вырост, чуть впереди, а не позади нас. Это возможность задать самим себе важнейшие вопросы. И самостоятельно найти ответы, определить свой путь — если понадобится, то и «против течения».

Граф Алексей Константинович Толстой — не застывший памятник, не пыльный музей, а окно: в сверкающий красками, многосложный и сияющий мир. Тот, кто пишет о нем, должен быть ему соприроден и сомасштабен. Это почти невозможно, но необходимо. Спасибо Владимиру Алексеевичу Котельникову, который помог это окно раскрыть для всех, кто хочет дышать чистым воздухом вечной красоты и поэзии.

Список литературы

Источники

Толстой А. К. Собр. соч.: в 4 т. / вступ. ст., подгот. текста и примеч. И. Ямпольского. М.: Литиздат, 1963–1964.

Толстой А. К. Полн. собр. соч. и письма: в 5 т. М.: Классика, 2017–2018.

Исследования

Жуков Д. А. Алексей Константинович Толстой. М.: Мол. гвардия, 1982. 383 с.

Котельников В. А. Алексей Константинович Толстой в жизни и в литературе. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 864 с.

Новиков В. И. Алексей Константинович Толстой. М.: Мол. гвардия, 2011. 288 с.

Lirondelle André. Le poète Alexis Tolstoï. L'homme et l'œuvre. Paris, Hachette, 1912. 677 p.

References

Zhukov, D. A. *Aleksei Konstantinovich Tolstoi* [*Alexey Konstantinovich Tolstoy*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1982. 383 p. (In Russ.)

Kotel'nikov, V. A. *Aleksei Konstantinovich Tolstoi v zhizni i v literature* [*Alexey Konstantinovich Tolstoy in Life and Literature*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2020. 864 p. (In Russ.)

Novikov, V. I. *Aleksei Konstantinovich Tolstoi* [*Alexey Konstantinovich Tolstoy*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2011. 288 p. (In Russ.)

Lirondelle, André. *Le poète Alexis Tolstoï. L'homme et l'œuvre*. Paris, Hachette, 1912. 677 p. (In French)